

НА БЕРЛИН!

I

Шестилетний Андрейка сидел на склоне холма и заворожённо смотрел вниз на дорогу, по которой вот уже второй день нескончаемым потоком шли и шли солдаты в сторону солнечного заката. Андрейка был не один. Рядом с ним примостился его закадычный дружок Вовка, который, как и он, с восторгом и страхом наблюдал за перемещением мощной техники. Танки, самоходки, тягачи с пушками, грузовики со снарядами, минами и патронами – всё это двигалось с ужасающим рёвом, лязгом и грохотом, отчего пацанятам заложило уши, и они теснее прижимались друг к другу. Благоговейный трепет охватывал мальчишек, когда над ними на низкой высоте проносились эскадрильи истребителей с красными звёздами на крыльях. Но, несмотря на непрерывающийся грозный шум, пацанятам иногда удавалось перебраться между собой отдельными фразами.

– Андрейка, глянь, глянь, танка какая! – в полном восторге кричал в ухо другу Вовка. – Ух, силища, ну и силища, скажи, Андрейка?

– Ага, силища! – орал в ответ Андрейка.

– И куда их стоко, а?

– Туда, – кивнул Андрейка в сторону садящегося за горизонт солнца.

– Спросить бы, а?

– Спроси.

– Не, я боюсь, ты храбрее меня будешь.

– Ладно, – важно согласился Андрейка и, поднявшись с травы, закричал во всё горло в сторону проходящей колонны. – Дядьки, вы куда это шлёпаете, так много вас?

– На Берлин шлёпаем, пацанва, на Берлин! – засмеялись в колонне. – Супостата Гитлера идём ловить, что вам и не снился. Вот поймем чудище да к вам привезём в клетке, покажем, и другой зоопарк вместе с ним прихватим.

– А и не страшно вам?

– Не, пацанва, не страшно уже. Теперь ему, чудищу, страшно, вона как драпает от нас, только пятки сверкают.

– Где драпает, где сверкают? – заозирались по сторонам мальчишки.

– Далеко впереди, не видать уж отсюда, – вновь раздался взрыв хохота.

– А далеко ли до Берлина этого ещё шлёпать?

– Кому как, вам далеко, а нам уже близко, – прозвучало в отдалении.

– На Берлин они идут, слышал? – обернулся Андрейка к другу. – За чудищем Хитлиром.

– Слышал, – кивнул Вовка, – на Берлин за Хитлиром.

II

Колхозный газик остановился у ворот председателева дома.

– Утром в шесть тридцать чтоб тут уже стоял. Нам завтра в район опоздать никак нельзя, в восемь надо быть на месте, кровь из носу. Важная встреча там с московскими гостями, нужно кое-что обсудить до совещания, – обратился к шофёру председатель колхоза, вылезая из машины.

– Буду как штык, вовремя, Андрей Степанович. Не волнуйтесь, успеем к восьми, да ещё с запасом. Вы ж меня знаете.

– Ладно уж, езжай домой спать.

Председатель подошёл к калитке и в задумчивости остановился. Постояв так несколько минут, он достал из кармана рубашки пачку сигарет «Друг» и закурил.

– Что домой не спешишь, Андрей? Всё в заботах, в думах об урожае да о выполнении-перевыполнении, – прозвучал из темноты насмешливый голос.

– Вовка, ты? – повернул голову в сторону соседского дома Андрей Степанович. – Подойди сюда, дело есть.

– Ну что там за дело может быть у председателя к простому колхознику, – ощерился Вовка, подойдя к другу детства. – Не было ничего,

а тут дело. Прямо заинтриговал.

– Да понимаешь, Вовка, мысль одна уже несколько лет покоя не даёт. Вот хочу посоветоваться, – сделал последнюю затяжку Андрей Степанович и притоптал окурок.

– Несколько лет, говоришь? Это серьёзно, видать. Давай выкладывай, что там тебя гложет столько времени? – присел Вовка на лавочку у председателевых ворот.

Рядом пристроился и Андрей Степанович.

– Помнишь, Вовка, те несколько летних дней, когда мимо нашего села солдаты на фронт шли и техника двигалась нескончаемо? А мы с тобой сидели на взгорке и всё высчитывали, сколько её мимо нас проезжало. Да постоянно сбивались, счёта нашего для этого не хватало, в школу-то только по осени мне идти предстояло, а тебе так и вовсе через год.

– Помню, как не помнить, – улыбнулся Вовка. – Такое не забудешь, силища какая!

– Ну и я про то.

– Про танки?

– Про память.

– А что память? Помним же, сам видишь. Или забывать что стал? – покосился на друга Вовка.

– Я нет, а вот другие... – вновь вытащил из кармана сигарету Андрей Степанович.

– И мне дай, – протянул руку за куревом Вовка. – Так что, другие? Другие вроде тоже не забывают.

– Это сегодня не забывают. А завтра, а послезавтра, когда никого уже из тех, кто видел войну, не останется? И даже нас, что тогда несмышлёными мальцами были.

– Ну, так фильмы, книги, музеи, памятники. Это-то никуда не денется, – пожал плечами Вовка.

– Да понятно, что никуда не денется. Но я про память тутошнюю, про нашу с тобой память, память наших с тобой потомков, внуков, правнуков.

– Не пойму я что-то тебя, Андрей. К чему ты клонишь?

– А вот к чему, – положил руку на плечо друга Андрей Степанович. – Ты же знаешь, что у нас в Ермаково памятника героям войны нет и не предвидится. Боёв тут активных не было, всех, кто рядом тогда погиб, в райцентре схоронили в братской могиле. Там и памятник воздвигли. А у нас нет. И если бы мы даже и захотели, денег под это дело тоже нет. Колхоз-то, сам знаешь, от урожая к урожаю. Лишняя копейка на жильё да на школу с садиком, плюс клуб, плюс библиотека, плюс развитие, свет там провести по улицам, и прочее разное. А памятник – дело дорогое, тут и скульптор, тут и материалы, и работы особые. Такое потянуть не каждому крепкому хозяйству по силам, а нам тем более.

– Ну и что ты предлагаешь? – Вовка ощутил внутри себя неожиданно разливающийся жар.

– А что если самим поставить, без всяких там скульпторов и решений?

– Как? где? – оживился Вовка.

– Где? А там, на нашем перекрёстке, который за селом в сторону бывшего кулацкого хутора выводит. Там, где мы с тобой мальцами на пригорке солдат на Берлин провожали. Вот посреди него и установим. Дорога в этом месте закругление делает, и внутри как бы островок неезженный образовался, вот на том месте и поставим.

– Так денег же нет, сам говорил.

– А денег и не надо, так если, на материалы чуток. Мы поставим простой памятник, даже скорее памятный знак, что-то в виде обелиска. Из кирпича сложим высотой метра на три, отштукатурим, побелим, посреди копию ордена Отечественной войны прикрепим и надпись напишем, придумать вот только надо.

– Да что тут придумывать, – от волнения Вовка даже привстал, – «На Берлин!» И всё понятно, ясно всё.

– Точно, Вовка, «На Берлин!»

– А кто орден сделает?

– Петьке-кузнецу накажем, он мастер классный, откуёт что настоящий, а может, и получше даже.

– Андрей, а ты не боишься?

– Кого?

– Начальства своего. Они и по шапке надавать могут. И не одобрить.

– Могут, – согласился Андрей Степанович, – но мы им об этом и не скажем. Сами всё за день-два сделаем, не велика хитрость. А потом пусть попробуют сломать. У кого на памятник Победе рука поднимется? Не самоубийцы же. Да и место там такое, не особо начальство и ездит по той дороге, угол-то медвежий.

– Ну, доброхоты-то найдутся, чтоб донести, сам знаешь.

– А и пусть, главное – поставить, а там пусть доносят, – улыбнулся Андрей Степанович.

– Здорово, Андрюха, правильная затея!

– Да, Вовка, правильная. И

подарок нашим односельчанам к тридцатилетию Победы. Будет куда матерям да вдовам цветы положить, а нашим правнукам где голову склонить.

III

На школьной линейке, посвящённой вхождению Крыма в состав России, завуч по воспитательной части торжественно вещала в микрофон.

– Но кроме Крыма, как вы, надеюсь, знаете, наша страна в очередной раз отмечает в этом году и другие славные праздники. Это такие героические страницы нашей истории, как освобождение блокадного Ленинграда из долгого девятисотдневного голодного плена. Нам не дано понять, как люди выжили, получая сто двадцать пять граммов хлеба в сутки. Некоторым из вас не мешало бы испытать такое на себе, а то никакой памяти не сохраняете. Даже на линейке постоять тихо десять минут некоторые не могут, что тут говорить о подвиге. Но есть и другие великие даты в этом году. Это освобождение от фашистских захватчиков Вены и Праги, Будапешта и Варшавы, Софии и Берлина.

– Виктория Альбертовна, Берлин – немецкий город, столица Германии, его брали, а не освобождали, – раздался голос из кучки девятиклассников.

– Киреев, самый умный, что ли? – тут же среагировала завуч на замечание в свой адрес. – После линейки со мной к директору. Там ум свой покажешь и расскажешь, кто тебя научил старших перебивать и срывать важные мероприятия.

– Вот, Юлия Владимировна, полюбуйтесь на этого супчика, – отпустила запястье провинившегося ученика завуч, войдя в директорскую. – Все нервы мои измотал, я с ним инфаркт скоро получу. Чуть не сорвал торжественную линейку сейчас. Перебивает меня, слова не даёт сказать. Ну куда это годится? Совсем уважение к старшим потеряли. Надо срочно принимать какие-то меры, пока окончательно на голову нам не сел. И пример другим каков, а?

– Что опять, Киреев? – упёрлась тяжёлым взглядом в ученика тучная директриса, медленно и грозно поднимаясь из-за стола.

– А чего Виктория Альбертовна путает? Говорит, что Берлин освободили, а его не освободили, а взяли штурмом на...

– Молчать! – побагровев, рявкнула директорша. – Мал ещё, сопляк, старшим указывать, чего там взяли, чего освободили. Сначала дорасти до возраста Виктории Альбертовны, а потом рот свой открывай.

– Вот видите, – негодующе встряла завуч, – как с таким можно разговаривать? Привыкли всей семьёй командовать. Прадед у него, вишь ли, герой-председатель. Кончились давно те времена, когда он в авторитетах был, как и колхоз его кончился. Теперь-то он кто? Да никто. Пенсионериска простой, пшик, да и только. Ан нет,

гонор-то свой весь по наследству передал, вот и получаем теперь результаты налицо.

– Ничего, мы ему этот его гонор наследственный мигом пооб-

ломаем. Характеристику такую оформим, в тюрьму не возьмут. Слышишь ты, чучело? Вика, вызывай инспектора по делам несовершеннолетних, пусть на учёт ставят.

IV

Свинокомплекс решили построить рядом с кулацким хутором. Инвестор долго выбирал среди разных вариантов и остановился на участке земли рядом с Ермаково. Место подошло практически по всем параметрам. Областной центр в ста километрах, свиней возить не накладно. До райцентра не близко, вонь с комплекса до чиновников не дойдёт. Речка рядом, экономия на очистных сооружениях. Газопровод проведён, электромощности в достатке, местная рабсила по дешёвке. Ну и главное, дороги есть. Всё хорошо, всё ладно. Только один недостаток – перекрёсток. Вернее, не сам перекрёсток, а странный знак по его центру с прикреплённым орденом Отечественной войны и надписью «На Берлин!» Уж больно этот знак движению мешал, большегрузы самосвалы еле разворачивались в этом месте. Но пока шло строительство объекта, с несуразным памятником ещё как-то мирились. Однако стройка закончилась, и оказалось, что проблема с движением стала и вовсе неразрешимой. Длинные фуры разворачиваться на этом участке не смогли.

– Аркадич, а с этим что делать будем? – кивнул в сторону памятника хозяин свинокомплекса, обращаясь к главе района. – Меша-

ется тут на дороге, ни проехать, ни пройти.

– Да ломай его к чёртовой матери, и дело с концом! – отмахнулся Баталов. – Не шедевр, самопал кирпичный, никакой исторической ценности.

– А народ возбухать не станет? Нам лишний шум сейчас не нужен совсем – открытие через неделю. Уже всё крутится – заказы, поставщики, поросят через пару дней завозить начнут. Любой сбой – колоссальные убытки. Нам они нужны? Ручаешься за спокойствие?

– Ломай, я сказал, – уверенно повторил Баталов, – народ – моя забота. Успокоим, если что. Кого водкой, кого баблом, кого мордой о стол. Нам не впервой, опыт большой за плечами. Я не через одни выборы прошёл, всяких технологий набрался, больше тридцати лет у власти, так что мои гарантии железные. Ломай.

– Уважуха, Аркадич, – пожал бизнесмен руку Баталова, – мы с тобой сработаемся, я сразу это просёк, как только познакомили нас. Ты деловой человек, без всяких там муси-пуси. Уважуха.

– Только снесите ночью, чтоб утром и следа не было.

– Замётано, – улыбнулся хозяин свиней, – нам тоже не впервой. И не такое ради дела сносили.

— Дед Андрей, дед Андрей! — как ураган во-
рвался в дом правнук Андрюшка.
— Там такое, такое!

— Ну что там ещё такое? — про-
кряхтел старик, доставая из буфе-
та банку с вареньем. — Война, что
ли?

— Хуже! — перевёл дыхание Ан-
дрюшка. — Там памятник снесли.

Сердце старика куда-то нырну-
ло, и всё тело моментально покры-
лось липким потом.

— Какой памятник?

— Наш памятник — «На Берлин!»
На перекрёстке...

Осколки от банки разлетелись
по всей кухне, а варенье обрызга-
ло буфет, штаны старика и расте-
клось по полу.

VI

Собравшиеся у перекрёстка
сельчане громко негодова-
ли и заседали со всех сторон на
главу района.

— Ну как же так, Валентин Ар-
кадьевич, что же это такое про-
исходит? Они же наш памятник
снесли, память нашу порушили!

— Успокойтесь, граждане, успо-
койтесь, — выставял ладошки на-
встречу возмущённой толпе стри-
женный «под ёжик», небольшого
росточка, щекастый начальник. —
Всё под контролем, ничего страш-
ного не произошло. Всё в нормаль-
ном процессе.

— В каком ещё процессе? Под
каким контролем? Как это, ниче-
го страшного? Да вы соображаете,
что говорите?! Они памятник наш
снесли, а вы — ничего страшного!
И снесли-то как! Ночью, тайком,
будто воры.

— Ну, это вы уже палку-то со-
всем перегнули. Какие ещё воры?
Всё по плану. Работы идут в ав-
ральном режиме, сами знаете,
открытие через несколько дней.
Губернатор приедет, гостей из
Москвы ждём, обещает министр
сельского хозяйства прилететь, а
тут такое.

— Что — такое?

— Ну, памятник этот ваш. Он
же дорогу напрочь блокирует, ни

одна фура не пройдёт.

— А сейчас пройдёт? А на-ка,
выкуси! — перед носом Баталова
появилось сразу несколько фиг. —
Мы сейчас дорогу и вовсе перего-
родим, ляжем тут, и чёрта с два вы
нас отсюда отколупаете. Ну если
только бульдозером.

— Мужики, бабы, ну чего вы
ерепенитесь! Вам же как лучше де-
лают. Работы у вас не было, теперь
будет. Свет по посёлку проведут,
магазины откроют, у школы стади-
он обновят, детскую площадку...

— Чего ты нам тут заливаешь
про радости жизни, не врубаешься
совсем, они ж памятник завалили!
Всё, бастуем, мужики!

— Ну вот что, граждане, — пере-
шёл на крик и Баталов, — хватит
уже! Что вы тут угрозы строите, на
неприятности нарывааетесь! Вон,
видите, там автобус в стороне с то-
нированными стёклами стоит. Рос-
гвардии с дубцами вам не хвата-
ет? Сейчас устроим. Сказано вам
— порешаем проблему, нечего тут
митинги устраивать, людей будо-
ражить.

Ермаковцы, прослышав о Рос-
гвардии, чуть поутихли и с опаской
стали оглядываться на пятнистый
автобус, одиноко стоявший на обо-
чине. Почувствовав перемену на-
строения митингующих, Баталов

уже уверенным голосом продолжил:
– И памятник ваш никуда не денется. Вернём вам его в прежнем виде. Вот только стоять он будет не на середине дороги, а вон

там, на взгорке. И видно хорошо, и транспорту не помеха.

– Когда поставите? – толпа успокоилась.

– В течение месяца, обещаю.

VII

На открытие свинокомплекса с утра съехалось всё районное начальство, к обеду через перекрёсток промчался кортеж губернатора вместе с прибывшим из Москвы министром сельского хозяйства.

– Да, круто, – дивились такому количеству гостей сельские мужики, – при советской власти такое случалось, когда атомную электростанцию запускали. А теперь свиноферму открывает министр. Чудеса.

VIII

Через два месяца Андрей Степанович собрал у себя в доме родню.

– Не будут они памятник восстанавливать. Все обещанные сроки прошли, а никто палец о палец не ударил. Самим надо.

– А как самим? Не дадут, полицию нагонят. Что мы против дубинок? Да и не поднять уже народ. Перегорели. Кого споили, кого купили за это время.

– А и не надо народ, сами управимся, своими силами, по семейному.

– Это как? – уставились на Андрея Степановича сыновья и внуки.

– Ночью, по-тихому, в выходной, пока движения нет. Завезём кирпич, я со своей пенсии отложенной деньги вам выделю, намешаем раствора и по-быстрому поставим. Место там безлюдное, никто нас за работой не увидит. Справимся.

– Что, прямо среди перекрёстка на дороге и поставим?

– Именно так, прямо посреди перекрёстка, как раньше стоял.

– Так снесут же утром.

– Не снесут, не посмеют. Что они, самоубийцы, что ли?

– Эх, дед! – тихо вздохнул кто-то из внуков.

IX

Утром проезд большегрузов и фур был напрочь заблокирован. Свежесложенный памятный знак из белого кирпича чуть возвышался на широкой отбетонированной площадке, которая делала перекрёсток совершенно непроходимым. На самом памятнике, как и раньше, чёрной краской было жирно написано: «На Берлин!» – и добавлено: «Победа будет за нами!»

Возле монумента на табуретке, опираясь на трость, сидел старик, а рядом с ним, положив деду руку на плечо, стоял щуплый подросток, плотно сжавший губы. Стариковская куртка была расстёгнута, и на пиджаке красовались звезда Героя Труда, ордена Ленина и Трудового Красного Знамени, а также разные государственные медали за трудовые свершения прежних времён.

Вобед в сельпо бабы судачили полушёпотом:

– Слыхали, деда-то, Андрея Степаныча, утром у перекрёстка полицаи скрутили и Андрюшку малого вместе с ним в воронок запихнули и в район увезли. Андрюшка деда защищать пытался, так его дубинкой по спине. Много ли малому надо, вроде потом из отделения в больницу отправили, а может, так болтают. А у Андрея Степаныча ещё и медали из пиджака выдрали, говорят, и в землю втоптали. Пацаны, дружки Андрюшкины, потом из грязи их вынули и домой к деду снесли. Надо же, ночью вдвоём памятник заново поставили!

– И чего теперь с ими будет?

– Ну чего-чего? Ничего. Поде-ржут для острастки денёк-другой да домой отпустят. А что с них взять? Одному больше восьмидесяти, другому только пятнадцать стукнуло. Не сажать же их. Штраф выпишут деду, и хорош, хоть и орал глава района на них во всё горло, когда к перекрёстку приехал на своём джипе, что посадит обоих за эстремизм и терроризм, срока возраста там нет. Но скорее пугал от злости, что памятник, не спросясь у него, заново поставили. Да и памятник сразу почти разобрали, он ещё застыть-то как следует не успел.

XI

У директора школы зазвонил мобильник. Юлия Владимировна посмотрела на экран телефона и внутренне сжалась от нехорошего предчувствия.

– Ну что, Юлечка, плохи твои дела, – раздался из динамика ехидный голос руководителя образования района, – фигово ты там у себя молодёжь воспитываешь, вернее сказать, вообще не воспитываешь. Судя по всему, что такое патриотизм, в твоей школе не знают. А вот что такое «пятая колонна» – ведают и всячески способствуют её существованию. Ты знаешь, что твой Киреев тут учудил? Мало того, что со своим полоумным дедом чуть не провёл экономическую диверсию в районе, так ещё при всём честном народе Валентина Аркадьевича

фашистом обозвал, сравнил его с Гитлером, а начальника ОВД полковника Хромова с предателем Власовым в один ряд поставил, назвав его главным прихвостнем и полицаем. Вот так-то вот.

– Татьяна Михайловна, – срывающимся голосом ответила Юлия Владимировна, – я-то тут при чём? Я ж не мать этому уроду. Была б матерью, он бы у меня и в мыслях...

– Мать, не мать, а ответ тебе держать, – перебила директора начальница. – Развели у нас под носом Болотную площадь, ну так и отвечайте по всей строгости. Жди, скоро приедем.

– Сегодня? – побледнела директориса.

В ответ последовали короткие гудки.

XII

Заканчивая предпраздничное совещание, Баталов посмотрел на Татьяну Михайловну.

– А тебе, Татьяна, особое задание. Проконтролируй лично завтра ермаковскую администрацию,

и про школу не забудь. Посмотри там, как они на «Бессмертный полк» выйдут, в каком виде, в каком составе. Их не предупреждай, что приедешь. Надо, чтоб всё почестному было, без подтасовок. А то прикидываются патриотами, а на деле – сплошные экстремисты. Несанкционированные митинги, забастовки, оскорбление властей, сопротивление полиции, строительство незаконных объектов, попытки срыва госзаказа. Какое-то осиное гнездо, надо с ним кончать и не нянькаться.

– Валентин Аркадьевич, ну почему во всенародный праздник я должна ехать к этим извращенцам, а не быть рядом со своими друзья-

ми, коллегами и соратниками! За что мне такое наказание? Это несправедливо.

– Татьяна, не переживай, сгонишь в Ермаково на полчаса, посмотришь, посчитаешь – и назад. Мы без тебя за стол не сядем, слово даю – дождемся, – улыбнулся Баталов расстроенной женщине и повернулся к остальным своим замам. – Итак, завтра жду всех у администрации в назначенное время. Прийти с семьями, шарами, цветами и портретами своих героев. Пройдем, так сказать, по главной улице с оркестром, почтим память своих предков. Память – это главное. Без памяти нет будущего.

XIII

В ночь на девятое мая на дороге, убегавшей от ермаковского перекрестка прямо на

восток, появилась огромная надпись, сделанная белой краской: «На Москву!»

XIV

Дед Андрей сидел на склоне холма и заворожённо смотрел вниз на дорогу, по которой нескончаемым потоком шли и шли солдаты в сторону восхода солнца. Сердце старика потеряло привычный ритм, утратило скорость движения и вот-вот собиралось остановиться.

– Андрейка, Андрейка, – терзая дедову штанину его закадычный дружок Вовка, – куда-то они?

– Туда, – тяжело вздохнул Андрей Степанович, наблюдая за чеканным шагом пехотинцев.

– А ты спроси их, спроси, интересно ж, кого воевать идут?

– Сынки, – с большим трудом поднялся с земли дед Андрей, – куда путь держите?

– На восток идём, отец, на восток.

– Почему на восток?

– Своих супостатов из Отечества изгонять, всех тех, кто повывлазил из всяких щелей, пока нас не было, и теперь над Родиной изгаляются.

– С Богом, сынки, с богом! – перекрестил воинов Андрей Степанович. – Возвращайтесь с победой!

– Спасибо, отец! Не впервой. Вернёмся!

Михася Ярошука призвали в армию. Восемнадцать Михасю исполнилось в феврале, а в конце апреля уже и повестка подоспела – милости просим в доблестные войска, защищать честь и независимость Украины.

Михась, парубок видный, высокий, под метр девяносто, мускулистый, батьке и деду справный помощник во всех домашних делах. Он и дров порубить, и сена заготовить, и мешки с картоплей в тракторный прицеп накидать, и воды матери в огород ведрами натаскать, и теплички покрыть, а ещё огурцы-помидоры в корзинах домой отнести, яблоки в подпол спустить, скотину, когда надо, прибрать. В общем, нужный работник в доме, послушный и безотказный, родительская гордость. Всем бы таких детей, горя б люди не знали.

Михась и охотник что надо, снайпер знатный, зверю шанса не даст, дедова закваска. В кухне, благодаря ему, всегда мясо найдётся.

– Михася в армию берут, свято в доме, – гордо расхаживал по горнице, разглаживая седые обвисшие усы, дед Сашко. – Надо проводить хлопца, чтоб всем кругом знатно было. Народ созывать пора. Когда ему, напомни? – обратился он к отцу призывника.

– Так девятого мая идти, нехороший день, – озабоченно потёр лоб батько Андрий. – Да и в спецнабор какой-то вроде определили.

– И в чём печаль? В спецнабор! За сына не рад, что выделили из

всех? Кому ещё такая честь в селе, скажи, а? То-то.

– Непокойно всё ж как-то на сердце, времена-то вон какие.

– А какие? Обычные времена. Не лучше и не хуже других времён. Всегда такое было. И с тобой, и со мной, и с дедом твоим Ивановом, и с прадедом Панасом. И ничего, все служили да живы-здоровы остались. Так и Михасю это же уготовано, не сомневайся. Наша семья заговорённая, под Богом ходим, пресвятая дева Мария нам защитница. Поди-ка лучше девок наших созови, наказы нужно важные сделать.

Девки, две незамужние молодухи Оксанка да Ульянка – Михасины сёстры, бабка Гануся да мамка Натуся и даже совсем уж старая бабка Хрыстя, получив мужской инструктаж, с вдохновением впряглись в предпраздничную суету. Дом и подворье намывались, украшались, подкрашивались к приёму дорогих гостей. Со скотного двора каждый день раздавались то дикий визг свиньи, то рёв обезумевшей тёлки, то испуганное кудахтанье кур да всполошённый гогот загнанных в угол гусей. В летней кухне постоянно что-то шипело и шкварчало до самого позднего вечера, а уже затемно над ней начинал куриться дымок, и по округе разносился сладковатый запах браги.

– Хороша горилка будет у Андрия, – втягивали ноздрями воздух сельские мужики, проходя мимо ярошуковской хаты, – погуляем знатно.

Восьмого мая в подворье Михася Ярошука собралось больше двух сотен народу. Тут и родня почти вся, кроме дядьки Василя, тут и соседи, тут и друзья-товарищи, подруги. Столы, выставленные в три длинных ряда от входа в дом и застеленные узорными бумажными скатертями, ломились от угощения. Свинина, телятина, жареные битки, птица, рыба, сало с подчёрёвой, смаженные ковбасы, сыры, овощи свежие, солёные кавуны, вареники с картоплей, фрукты, мочёная антоновка, одним словом – ешь, не хочу. Да и со спиртным всё в полном порядке, горилка между блюд в двухлитровых бутылках красуется, наливочка в графинчиках искрится, вино домашнее, хочешь – виноградное, хочешь – яблочное, на солнышке переливается, пива наварено немёрно. Праздник, так праздник.

За главным столом, по центру, посадили самого виновника торжества. По правую руку от него отец с матерью, то бишь Андрий с Натусей, рядом крёстные – дядька Мирон и тётка Ева, по левую же руку самые что ни на есть старейшины семьи – прадед Иван и прабабка Хрыстя, за ними сразу дед Сашко с бабкой Ганусей. Ну и в остальном всё по справедливости. Ближе к Михасю родня ближняя, потом дальняя. И в сторонних рядах всё чин чинном, с одного края дружки-подружки Михася, с другого – соседи и друзья-подруги бабкины да дедовы. Только из одногодков прадеда Ивана и прабабки Хрысти никого, они последние в селе долгожители.

Андрий Ярошук за главного сегодня на правах отца новобранца, ему и застолье вести. Встал Андрий важно, тишину нагнал, каш-

лянул для солидности, вышиванку поправил, волосы пригладил и начал слово говорить.

– Дорогие наши все, и родня, и други, и соседи! Вот видите, какой у нас сегодня день, важный день, праздник. Вы понимаете.

За столами одобрительно закивали, подтверждая правоту сказанного.

– А то...

– И у нас було...

– Праздник в доме...

Андрий поднял руку. Сдерживая лавину чувств односельчан и дождавшись тишины, продолжил.

– Так вот, значит, я про важный день доскажу как есть. Он, конечно, очень важный, важней, может, и нет. Может, даже и главный он у нас в семье. Ну, в этот год точно, что главный, тут и говорить нечего. А знатного в нём вот что. Наш Михась становится защитником, нашим защитником, моим и матери, деда своего и бабки, прадеда и прабабки и вот сестёр своих тоже. Он и вас всех под защиту берёт. Так, правильно я слово говорю? – обвёл всех растроганным повлажневшим взглядом Андрий.

– Так, так, – загалдели кругом гости. – Хорошо говоришь, верно.

– А если так, – вновь поднял руку застольник, успокаивая собравшихся, – то вот вам истина. Все Ярошуки завсегда были честными защитниками и не сгинули в своей службе на благое дело Родины, а уберегли себя для дальнейшей пользы жизни. Уберегли для общества и семьи. Вот я и хочу дать слово старейшине нашей семьи, самому главному нашему предку, человеку почётному и геройскому, прадеду нашего Михася – Ивану Панасовичу Ярошуку. Пусть скажет своё важное

слово парубку, а мы поднимем чарки и послушаем.

Вокруг разразились аплодисменты.

– Давай, дед Иван, скажи слово потомку, нехай впитывает.

Худой, сгорбленный годами старик, с заострённым ястребиным

носом и слезящимися полуслепыми глазами, медленно приподнялся со своего места и дрожащим голосом произнёс:

– Чего тут говорить, тут моя речь короткая. Служи честно, внучку, верой и правдой служи, как прапрадед твой Панас служил.

III

Прапрадед Панас служил у Юзефа Пилсудского. Попал он в польскую армию в тот момент, когда пан Пилсудский с Советами воевал. Скорее даже не попал, а попался по собственной глупости. В село как-то поутру вошёл взвод солдат во главе с подпоручиком. Всех мужчин согнали на площадь перед церковью и обнародовали добровольный указ о призыве в Войско польское.

– Кто пойдёт к нам на службу, получит жалование и землю, – торжественно объявил с церковного крыльца благую весть подпоручик и вдруг, неожиданно, положил руку на плечо стоявшего чуть ниже Панаса. – Хочешь землю, хлопец?

– Хочу, пан офицер.

– Молодец, хлопец, будет тебе земля, много земли, но только после победы. Запишите героя в солдаты.

Вот так и призвали Панаса в армию. К обеду он уже при форме садился на телегу, не попрощавшись как следует ни с отцом, ни с матерью.

– Дурак, земли на могилу получишь, конечно, – только и успел сказать напоследок Панасу отец.

Панасу воевать не пришлось, повезло дураку, отправили его сразу же в лагерь для русских военнопленных, что в Стшалкове расположился. Туда русаки потоком стекали. Пан Пилсудский на тот момент хорошо трепал Красную ар-

мию, вот и скапливался служивый народец в польских лагерях. Людей для охраны катастрофически не хватало, поэтому часть новобранцев переместили в тыл надзирателями, мол, послужите пока тут великой Польше, а потом уж и на фронт. Панас, хлопец крестьянский, хваткий, сразу же смекнул, что только особое старание и рвение перед начальством спасёт его от гибели на поле боя. И он старался.

Стояла зима. И несчастные русские солдатики быстро превращались в ходячих мертвецов. Жили они в наспех сколоченных лёгких бараках, которые не отапливались, а разжигать огонь внутри помещений категорически запрещалось в целях соблюдения безопасности этих строений. Многие из красноармейцев попали в плен ещё до холодов и были в летнем обмундировании, что только усугубляло их плачевное состояние. Холод и голод активно помогали смертушке делать свое дело.

– Эй, москаль тухлый, давай сюда! Прытче, прытче, – подозвал к себе пленного доходягу Панас, стоя в кругу охранников. – Жрать хочешь?

– Хочу, вельможный пан.

– Землю жри. Съешь три жмени, дам хлеба. Ну что, Иван, съешь?

– Афанасий я.

– Панас, – загоготали кругом охранники, – ты бачишь, тёзка у тебе выискался, Афанасий!

А может, это братец твой, может, близняк? Гляньте, хлопцы, как схожи, прям один в один. Может, и ты, Панас, москаль? Что скажешь?

Панас аж поперхнулся от неожиданности. Лицо его налилось кровью, и он со всего маху ударил русака кулаком в живот, а когда тот согнулся в три погибели, сбил его с ног ударом в голову и, уже лежащего, принялся остервенело пинать ногами куда попало, с не-

навистью приговаривая:

– Який я тэзка ему, курве мо-скальской, який я ему тэзка!

– Хорош тебе, – через несколько минут охранники оттащили Панаса от жертвы, – не бачишь, что ли, сдох твой тэзка уже, хрипеть перестал.

– Добрый пёс знает своё дело, – усмехнулся в сторону озверевшего надзирателя лагерный хорунжий. – Честно служить будет.

IV

— Молодец, Иван Панасович, верно сказал, коротко и верно, – вновь взял слово Андрий, дождавшись, когда опустеют чарки. – Наш далёкий предок служил нашей ридной крайне всею правдою, и мы его не посрамили ни на миг, вся наша семья Ярошуков. Вот и батька мой не соврёт. Скажи своё слово, батька, твой черёд пришёл.

Дед Сашко, высокий, стройный седовласый старик, с таким же ястребиным носом, как у своего отца, важно встал из-за стола и поднял чарку отменного первача.

– И что тебе сказать, внучек мой дорогой Михась? Помню тебя вот таким, – показал Сашко рукой у своего колена. – А и тогда ты лихо уже с крапивой воевал. Палку в руку – и айда рубить вражину налево и направо. И пока всю её не сничтожал, с поля боя не уходил. Храбро сражался. Хоть и жалила она тебя нещадно, а ты только губы поджимал да заново на вражину кидался. Вот так же храбро шёл в бой и батька мой, твой прадед Иванко. Храбро и честно. За правду. Вот тебе и моё слово. Служи так же честно, как твой геройский прадед Иванко. И если в бой придётся, то так же смело, как он.

...Иванко в рядах охранного ба-

тальяна вошёл в белорусские Борки ранним утром, когда деревня только-только пробуждалась к работе. Зондеркоманда СС взяла Борки в плотное кольцо, а хлопцы Романа Шухевича направились по хатам – сгонять народ к бывшему сельсовету.

– Шнель, шнель, партизанское отродье!

– Пане полицай, да куда ж я с малыми дитятками? Дозвольте дома остаться.

– Геть, геть, дурна баба, сказано всем – значит, всем!

Украинские националисты силой вышвыривали из хат жителей и прикладами гнали их вперёд. Тех, кто не мог двигаться самостоятельно, расстреливали на месте. За националистами в дома входили немецкие солдаты из команды тылового обеспечения, вытаскивали во двор наиболее ценные вещи и тут же грузили их в грузовики и подводы, управляемые местными полицаями. Одновременно из сараев выгоняли уцелевшую скотину, а когда реквизиция добра заканчивалась, поджигали подворье.

Над Борками клубился дым, и стоял обречённый вой жителей.

– Эй, пострел, ты куда забрался? – улыбнулся Иванко незамысловатой хитрости пятилетнего пацанёнка, схоронившегося от беды

в крапиве. — И не больно-то тебе там сидеть? Жалится же!

— Ой, дзядзька, балюча, — всхлипнул мальчуган.

— Так вылезай оттуда.

— Не магу. Матуля загадала, каб сядзеу и не вылазяць без яе дозволу.

— Так это мамка твоя меня и прислала, чтоб я тебя к ней отвёл.

— Прауда? — обрадовался пацанёнок, выбираясь из зарослей жгучей травы.

— Правда, вот те крест, — улыбаясь, перекрестился Иванко. — Давай руку, к мамке пойдём. Как зовут-то тебя, герой?

— Янка.

— Во как, тэзка, значит.

На площади у большого амбара Иванко подтолкнул мальчугана в сторону подвывавшей толпы.

— Иди, Ваня, ищи свою мамку. Там она, ждёт тебя.

Через полчаса народ загнали внутрь амбара, закрыли ворота на засов, облили деревянную постройку бензином и подожгли.

— Ярошук, — подошёл к Иванку гауптман, когда всё было кончено, — видел, как ты щенка за руку привёл. Молодец, честно служишь, хорошо воюешь. Награду получишь, как во Львов вернёмся.

V

— Вот как-то незаметно и моё слово напутствия пришло, и мне говорить сыну важное очередь пришла, — приосанился Андрий, вобрав в себя выпирающий животик. — А есть ли мне ещё что сказать после наших уважаемых дедов? Могу ли я после них? Есть ли у меня честь, люди добрые?

— Есть, есть, Андрий. Честь отца на сына. Говори слово, — зашумели за столами.

— Ну что ж, тогда скажу, — повернулся отец к Михасю. — Слушай сюда, сынку. Большая честь тебе вышла — служить за родную землю. Не посрами наш род вдали от дома. Будь смелым и решительным в своих помыслах. Держи своего врага на мушке верно, как дед Сашко тебя учил. А дед Сашко знатный учитель, он в службе своей врагу шансов не давал. Бери с него пример, служи честно, Михась.

...В Чехословакию Сашко Ярошук попал почти перед самым дембелем в составе воздушно-десантной дивизии с приказом взять

под контроль пражский аэродром «Рузине» и обеспечить приём основных сил советской группировки войск. С Пражской весной надо было покончить раз и навсегда, как с рассадницей контрреволюции в социалистической Европе. Вот Сашко и должен был этим заняться, а ведь он уже о скорой свадьбе с Ганкой мечтал. И тут такая заваруха, будь она неладна! Все планы Сашка накрылись в одночасье, как корова языком их слизала. Никто ведь теперь не скажет, сколько это всё с чехами продлится, может, месяц, а может, и год. А если Ганка другого парня встретит? В общем, злой был Сашко на всех, ох и злой. Ходил по границе аэродрома в охранении и бубнил себе под нос: «Москали кляти, чтоб вам всем в аду гореть!»

Недели через три в очередном вечернем дозоре из зарослей кустарника, что рос вдоль дороги, ведущей к аэродрому, на Сашка и его сослуживца Максима под крики «Invaders, jdi do Moskvy!» обрушился град увесистых камней,

один из которых пробил голову товарища. Максим от удара потерял сознание и тихо стонал, лёжа у обочины. Неизвестно, как бы там сложилось с самим Сашком, который от испуга расплакался и не мог сдвинуться с места, если бы не неожиданное появление немецкого мотоциклиста, резко притормозившего около раненого. С ходу оценив обстановку, гэдэровский солдат сорвал с плеча автомат и с колена дал длинную очередь по кустам, откуда исходила опасность. Кто-то обреченно вскрикнул в обстрелянной стороне, и за этим вскриком последовали громкие всхлипы. Немецкие военнослужащие, вошедшие вместе с советским контингентом войск в Чехословакию, особо не церемонились с местным населением, в случае непослушания тут же брали оружие на изготовку и при малейшем подозрении на агрессию со стороны чехов применяли его без предупреждения. Спаситель Сашка, не обращая никакого внимания на плач и стоны в зарослях кустарника, подошёл к Максиму, отложил оружие и быстро оказал десантнику первую помощь – обработал рану, перевязал голову, сделал обезболивающий укол и по радиации связался со своими. Всё это заняло несколько минут, после чего немец повернулся к Сашку, успевшему прийти в себя.

– Ком, рус, – показал он в направлении зарослей.

Метрах в пятнадцати от дороги лежал первый чех и громко стонал. Парню было столько же лет, сколько и молодым солдатам, подошедшим к нему, лет двадцать, не больше. Глаза у него помутнели, веки слабо подрагивали, рана в груди несчастного была страшной

и не оставляла ему почти никаких шансов на жизнь. Немец передёрнул затвор и выстрелил одиночным в голову. Чех всхрипнул и затих. Сашко с благоговейным ужасом смотрел на деловито-спокойного немца, который молча присел перед жертвой, быстро обшарил его карманы, достал какой-то документ и положил его в свой планшет.

– Ком, рус, – вновь поманил за собой Сашка немецкий солдат.

Пройдя ещё метров двадцать, военнослужащие обнаружили на смерть перепуганного паренька лет шестнадцати, который обречённо сидел на земле и громко всхлипывал. У мальчишки была прострелена нога.

– Аусвайс! – навёл на паренька автомат немец. – Шнель!

– Не аусвайс, – растёр слёзы по лицу мальчишка.

– Найм?

– Александр.

– Надо же, тёзка, – удивился ответу Сашко.

Немец, впервые услышав голос Сашка, холодно улыбнулся и хлопал его по плечу:

– Гут, рус!

После этого он показал на висящий на плече Ярошука «калашник».

– Хор ауф дамит.

– Я? – испуганно отпрянул в сторону Сашко.

– Я, я, – утвердительно кивнул немец.

– Я не могу, я не убивал людей, давай сам, – попытался выкрутиться из страшного положения Сашко.

– Найн. Ду. Дис ист айне райхенфольге, – отрицательно покачал головой немец и вновь указал на автомат Сашка. – Шнель!

Сашко дрожащими руками снял оружие с плеча, передёрнул

затвор и, закрыв глаза, выстрелил в несчастного мальчишку.

– Шарфшутце! – брезгливо ухмыльнулся немец, прощупывая сонную артерию убитого. – Ист тот. Ярошука вырвало.

Через минуту к ним с автоматами на перевес подбежал по меньшей мере взвод аэродромовских десантников.

– Что тут произошло, сержант Ярошук? – обратился к нему взводный, косясь на труп паренька.

– Я, это... Мы, это... С Максимом. Они первые... А потом... Вот

он... Я не хотел. Они первые, – не мог прийти в себя Сашко.

Лейтенант вопросительно посмотрел на немца.

– Рус гутер зольдат. Шарфшутце, – широко улыбнулся тот.

Через месяц Сашка демобилизовали.

– Благодарю за честную службу! Благодарности родителям за воспитание сына и в ваш сельсовет я отправил по почте, так что встретят тебя дома как героя, не сомневайся, – крепко пожал на прощание руку Ярошуку комбат.

VI

– Дозвольте и мне слово держать как крёстному Михася, – поднялся из-за стола мускулистый мужик возраста Андрия.

– Дозволяем, говори, Мирон.

– Спасибо, братья, – степенно поклонился Мирон народу и повернулся к крестнику. – Тут, Михась, правильно вспоминали всех твоих геройских предков, и это твоя гордость и твоя сила, я тебе скажу. Но гордость эта и сила не только в них, но и в батьке твоём и моём лучшем друге Андрии. Он ведь тоже герой, служил честно, и орден есть. Так и ты, Михась, как то яблоко от яблони, служи честно, чтобы батько гордился и все гордились. Вот моё слово.

...«Духи» атаквали взвод неожиданно, не в том месте и не в то время. Одним словом, ударили тогда, когда этого удара никто не ждал. Миномётный обстрел, а после него шквальный автоматный огонь практически полностью уничтожили весь разведотряд шурави. Каким-то чудом уцелели только Андрий, не получивший в этом аду ни единой царапины (видать, Бог миловал), и его взводный, совсем молодой лейтенант

Андрей Гончаренко, месяц назад прибывший из училища в Афганистан. Правда, лейтенанту повезло меньше, ему перебило осколками мины ногу, и пуля прошла плечо. Крови взводный потерял много и тихо постанывал, временами теряя сознание. Ещё большим чудом было то, что «духи» не стали обследовать место гибели разведчиков, а быстро растворились в горах. Почему такое случилось, так и осталось загадкой, но неожиданный уход победителей дал шанс на жизнь побеждённым.

– Тёзка, – прохрипел лейтенант, когда стало окончательно ясно, что «духи» ушли, – посмотри раны, перевяжи где надо.

– Где надо... – машинально повторил Андрий, всё ещё находясь в плену у пережитого страха. Руки дрожали, и он никак не мог наложить повязку на рану взводного.

Не покидали мысли, что вот сейчас «духи» вернуться и завершат своё смертоносное дело, что он тут застрял с этим москалём, вместо того чтобы бежать подальше от этой общей могилы. «Что делать, что делать? – лихорадочно думал Андрий. – Надо уходить с этого

места, надо где-то схорониться. Только вот с этим как быть? Может, грохнуть его, и дело с концом? Никто ж не узнает. А если узнают? А с ним куда? Он и шагу не ступит. На себе тащить? А ещё кормить-поить придётся. Воды и так мало. Сдохну с ним, не выйду. Лучше грохнуть».

– Андрей, ты чего такой дёрганный? – будто почувствовал что-то неладное лейтенант. – Не дрейфь, всё будет нормалёк, прорвёмся. Наши нас уже ищут, наверно. Рацию глянь у Генки, вдруг уцелела.

Рация не уцелела, как не уцелел и сам Генка, лежащий с развороченным животом на краю тропы, по которой шёл в разведку отряд.

– Лейтенант, надо уходить с этого места, «духи» могут вернуться!

– Нет, земля, нельзя уходить. Наши нас тут искать станут.

– «Духи» тоже, – поднялся во весь рост Андрий. – Я тебя понесу, где смогу, где не смогу – тащить

буду. Больно будет, терпи, не ори, а то пристукну.

Лейтенант спорить не стал, да и что зря спорить, если он в полной воле Андрия.

«Может, и хорошо, что москаля не грохнул, – думал Андрий, взвалив на себя раненого, – он мне теперь как пропуск будет. К «духам» попаду – скажу, что с «языком» шёл, выкуп за себя нёс, тогда живым оставят. К своим выйду – героем буду, товарища не бросил, офицера. Медаль дадут или орден. Хорошо, что не грохнул».

Через сутки двух Андреев подобрала вертушка, возвращавшаяся на базу после выполнения задания. Орден Красной Звезды вручили Андрию Ярошуку перед всем полком ровно в тот день, когда пришёл приказ о выводе советских войск из Афганистана.

– Честный ты парень, Ярошук, настоящий товарищ, именно с таким и надо в разведку, – растроганно обнял Андрия командир полка.

VII

Михась, тщательно прицелившись, выстрелил. Какое-то мгновение он завороченно наблюдал через окуляр снайперской винтовки за упавшим человеком, а потом осторожно стал отползать в сторону от места своего схрона.

– Ну что, Ярошук, с почином

тебя, ставь зарубку на прикладе, – похлопал по плечу вернувшегося с первого задания Михася командир отряда снайперов ВСУ. – Запомни этот день 22 июня. С победы над первым москалём начался отсчёт твоей честной службы Родине.

– Слава Украине! Героям Слава!

VIII

– Чего там, Андрий, кто звонил? – обтёрла от муки руки Наталка.

– Брат Василь с Луганщины. Сына его, Мишку, сегодня снайпер застрелил, с выпускного шёл. Вот так-то вот.

– Ой, боже ж мой, беда-то ка-

кая! – всплеснула руками Наталка. – А ведь какие надежды подавал, гордость Ярошуков, отличник круглый, в университет собирался. У нас такого умного в семье и не было никогда. Как там Вера после этого? Горе-то, горе!

– Война, будь она неладна!